

9. Книга для чтения по истории нового времени / Историческая комиссия Учеб. отдела ОРТЗ. М. : Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1910. Т. I.
10. Вишняков, Е.И. Очерки русской истории. Москва: Книгоиздательство «Польза», 1908. 268 с.
11. Пичета, В.И. [Рецензия] // Голос минувшего. 1914. № 5. С. 268–270. Рец. на кн.: Козловский, И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: в 2 т. Варшава, 1913. Т. 2: Исследования и приложения к исследованию. 524 с.
12. Козловский, И.П. Ответ рецензентам сочинения «Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве». Варшава : Тип. Вар. уч. округа, 1915. 15 с.
13. Пичета, В.И. Введение в русскую историю: источники и историография. Москва : Госиздат, 1922. 205 с.
14. Пичета, В.И. [Рецензия] // Голос минувшего. 1913. № 11. С. 263–264. Рец. на кн.: Клепатский, П.Г. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. 595 с.
15. Пичета, В.И. Литовско-русское государство // Русская история в очерках и статьях. М. : Московское учебное книгоиздательство, 1910. Т. 2. 439 с.
16. Пичета, В.И. Польша и Франция в конце XVIII века // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 276–277.
17. Пичета, В.И. Великий князь Константин Павлович и княжна Елена Любомирская // Голос минувшего. 1913. № 7. С. 237–238.
18. Пичета, В.И. [Рецензия] / Голос минувшего. 1914. № 11. С. 271–274. Рец. на кн.: Державин, Н.С. Болгаро-сербские взаимоотношения и македонский вопрос. Пг., 1914. 132 с.
19. Пичета, В.И. [Рецензия] // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 269–271. Рец. на кн.: Сиротинин, А. Россия и славяне. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. 608 с.
20. Пичета, В.И. Предисловие [к публикации писем М.Г. Черняева и П.А. Кулаковского к И.С. Аксакову о Сербии в 1880-1882 гг.] // Голос минувшего. 1915. № 9. С. 232–235.
21. Пичета, В.И. Письмо в редакцию: [по поводу рецензии С.П. Мельгунова на два первых №№ журн. «Исторические известия»] // Голос минувшего. 1917. № 2. С. 315–317
22. АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 175. Панов В. «В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-русском государстве». Статья. Рукопись. [1917].

УДК 327 (470+571)

«КНЯЖЕСТВО ВСЕЯ РУСИ» И РИМСКАЯ КУРИЯ В ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МОСКВЫ

Е. К. Шимак

*Белорусский государственный университет
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь; helenaszymak@gmail.com*

Определяется характер внешнеполитических приоритетов Московского княжества во взаимоотношениях с Римской курией в период правления Ивана III и Василия III через исследование комплекса проблем международных отношений в Восточной Европе данного периода. Основное внимание уделяется рассмотрению межгосударственных отношений, которые развивались под влиянием обострения конфронтации за «земли Руси».

Ключевые слова: дипломатия; внешнеполитические приоритеты; антиосманская коалиция; Восточная Европа.

“THE PRINCIPLE OF ALL RUSSIA” AND ROMAN CURIA DURING THE FORMATION OF FOREIGN POLICY CONCEPT OF MOSCOW

A.Shymak

*Belarusian State University, Niezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
helenaszymak@gmail.com*

The nature of the foreign-policy priorities of the Principality of Moscow in relations with the Roman Curia during the reign of Ivan III and Vasily III is determined through the study of the complex of problems of international relations in Eastern Europe of this period. The main attention is paid to the consideration of interstate relations, which developed under the influence of increasing confrontation over the “lands of Rus”.

Keywords: diplomacy; foreign-policy priorities; antiottoman coalition; Eastern Europe.

Подготовительным этапом для проведения активной внешней политики Московского княжества стали 60–70-е гг. XV в. К концу 60–х гг. XV в. внешнеполитическая ситуация на его восточных и южных рубежах благоприятствовала дипломатическим усилиям, предпринимаемым в сторону Западной Европы [2, с.35–94]. Отсутствуют какие-либо летописные упоминания о масштабных столкновениях в эти десятилетия Москвы с Золотой Ордой и Крымом, хотя в 1467–1469 гг. Иван III осуществил первые и довольно успешные походы на Казань [7, с.155–158]. Несмотря на то, что регулярные дипломатические контакты Москвы со странами Западной Европы начинаются с 1468 г., Московское княжество уже имело опыт подобных взаимоотношений. Еще во время правления Василия II Темного московские посольства неоднократно пересекали западные границы государства, направляясь в Милан, Венецию и другие центры западно-европейской цивилизации [8, с. 267–281].

Весьма вероятно, что московские послы в Риме специально создавали впечатление об Иване III как о надежном союзнике в антитурецкой борьбе, истинном приверженце Апостольского Престола и католической веры. П. Пирлинг отметил, что во время переговоров московский посол Иван Фрязин характеризовал «перед папою Русь как католическую страну», «изображал, как потомок Мономаха склоняет свою голову и колено перед престолом римского первосвященника», «говорил о чувствах любви и покорности, будто бы испытываемых русскими по отношению к Ватикану. В довершение всего он предложил союз с татарами против турок» [6, с.28–29, 174–176, 191]. Однако надежды, которые возлагались на амбициозность Ивана III и на его претензии относительно наследства своей супруги, не оправдались. Московские дипломаты никогда не упоминали о каких-либо правах своего государя на Византию. И, кроме того, ни в конце XV в., ни в середине XVI в. великие князья московские не проявляли ни малейшего желания сражаться с султаном [9, с.25].

И все же очевиден тот факт, что этот союз соответствовал интересам обеих сторон. Династические связи были наиболее удобным способом установления отношений между отдельными государствами. Выбор невесты оказался неслучайным. Переговоры, которые велись с Римской курией, позволили сделать Москве первый шаг к включению в общеевропейскую систему международных отношений и наладить контакты с другими государствами. Кроме того, Иван III преследовал цели и внутривосточного характера – путем женитьбы на наследнице византийского императора он стремился поднять авторитет великокняжеской власти среди других русских князей. Брак с Софьей Палеолог, находившейся под покровительством Римской курии, стал первым эпизодом в истории России, когда переплетались интересы Москвы, Рима и Вильно с Краковом.

Политическая игра, разгоревшаяся в 1469–1472 гг., в связи с подготовкой и заключением брака московского великого князя и племянницы византийского императора, принесла огромный успех Ивану III как организатору внешней политики. Сумев точно определить интересы Римской курии, он положил начало не только новому вектору дипломатии Российского государства, но и особой форме взаимоотношений между Москвой и Римом, в которой равную роль играла и политика, и религия [11]. Взаимоотношения Москвы и Рима в 60–70 гг. XV в. опровергают устоявшийся в советской историографии тезис о том, что внешняя политика Ивана III до начала 80-х гг. XV в. была «осторожной и сдержанной». Отсутствие же источников московского происхождения, которые бы подтверждали целенаправленность действий Ивана III в отношении с Курией, можно объяснить нежеланием великого князя афишировать связи с Римом.

Переломным моментом для развития государств Восточной Европы стали 80-е гг. XV ст. Московское княжество освободилось от зависимости от Орды и получило возможность активизировать свою внешнюю политику в западном направлении. Великий князь московский Иван III, взяв себе титул «государя всея Руси», начал осуществление программы по собиранию «исконно русских земель», что неизбежно вело к новым столкновениям с Великим княжеством Литовским.

Еще одним местом, где назревал военный конфликт, стала северная часть Восточной Европы. Заботясь о внешнеэкономических интересах государства, Иван III, благодаря союзным договорам, смог нейтрализовать Швецию и Ганзу. Единым узлом противоречий в балтийском регионе оставались отношения Княжества всея Руси и Ливонского ордена. Уже ставшие привычными псковско-ливонские недоразумения в 1481 г. послужили поводом для военного похода Ивана III против Ливонского ордена: «Того же лета (6990) посылал князь велики Немецкие земли воевати, на князя местера, за их неисправление, что они приходили ратью на его отчину на Псков, егда царь на Угре стоял и братия отступили от великого князя» [7, с.214]. Несмотря на подписание в Новгороде в 1482 г. десятилетнего перемирия, окончательного решения взаимных претензий между великим князем московским и ливонским магистром не произошло [1, с.95, 130–132; 5, с.150, 193].

Как относилась Апостольская Столица, в компетенции которой находились вопросы, связанные с решением международных конфликтов, поддержанием мира, организацией крестовых походов, к событиям, что развивались в Восточной Европе?

События, которые разворачивались в Восточной Европе в последние десятилетия XV в. (начало конфронтации за «земли Руси» и Прибалтику) показали, что граница соприкосновения Москвы и Рима проходит сквозь призму отношений Московского княжества, Великого княжества Литовского, Короны Польской, Ливонского ордена. Римская курия ради организации антиосманского союза была заинтересована в поддержании мира в Восточной Европе. Придерживаясь этой же цели, Апостольский Престол заботился о прекращении военных действий между Москвой, Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским [12].

С 1478 по 1503 гг. великий князь московский Иван III успешно проводил внешнюю политику в западном направлении. Умело используя «слабые» стороны Рима (вопросы церковной унии и антиосманской борьбы) московский великий князь добивался нейтралитета Курии по отношению к событиям, которые развивались в Восточной Европе. Дипломатические отношения с Римской курией не позволили оформиться антимосковской коалиции и предотвратили крестовый поход под руководством папы.

«Проблема Московии» и антиосманской коалиции сохранялись в политике Римской курии и в первой трети XVI в. Уже на самом раннем этапе развития взаимоотношений Великого княжества Московского и Римской курии прослеживается закономерность, заключающаяся в том, что взаимозаинтересованность этих сторон возросла именно в период обострения отношений Москвы и Вильно. Эта особенность наблюдалась в конце XV в., когда Иван III, активизируя западный вектор внешней политики, стал демонстрировать внимание по отношению к Курии. Пограничная война 1487–1494 гг. с Великим княжеством Литовским и последующая война 1500–1503 гг. с Великим княжеством Литовским и Ливонским орденом заставили и московского великого князя, и римских понтификов искать точки соприкосновения. Относительное затишье на московско-литовской границе после перемирия 1503 г. сопровождалось также некоторой паузой в отношениях с Римом.

После временного затишья, наступившего благодаря ряду перемирий, османская опасность для стран Южной, Западной и Юго-Восточной Европы снова стала вполне реальной угрозой. Рим вновь активно вел переговоры о совместном европейском походе. В течение первой половины XVI ст. взаимоотношения Римской курии с другими государствами стали более интенсивными, что отразилось и на дипломатическом корпусе Святого Престола [10]. С этого времени центральной фигурой папской дипломатии стал нунций. Этот термин впервые появляется во второй половине XI в., но организация нунциатур – постоянных дипломатических представительств, возглавляемых нунциями, – относится к концу XV – первой половине XVI в. Первые нунциатуры были основаны в Испании (1492), Венеции (1500), Франции (1514) и Португалии (1514). В конце XVI в. произошло окончательное разделение функций легата, направляемого со специальной миссией, и нунция – постоянного представителя в определенной стране. В первом десятилетии

XVI в, в понтификат Юлия II (1503–1513) и Льва X (1513–1521), представители Папской курии стали посылаться ко дворам европейских государей. Первыми дипломатическими представителями Апостольского Престола можно считать посланников папы Климента I (88–97), направленных в Коринфскую церковь. Их полномочия носили временный характер: представление позиции папы на соборах или разрешение конфликтных ситуаций в отдельных церквях. Следующий шаг в развитии представительства Святого Престола был сделан с организацией викариатов (конец IV в.). Викарием являлся местный архиепископ, наделенный особыми полномочиями. В середине V в. Церковь начала направлять апохризариев (постоянных представителей Святого Престола при дворе византийского императора в Константинополе) или иначе – ответственных, к императорскому двору Византии, дабы лучше знать ситуацию в Восточных Церквях и иметь официальное (дипломатическое) представительство при императоре. С этого времени начинается история дипломатического представительства Святого Престола, в современном значении этого слова. В конце IX в. появляется еще одна категория папских представителей, а именно *legatus missus* (легат-посланник), которые, будучи резиденциальными епископами на основных кафедрах Церкви, выполняли также иные особые миссии в церковных кругах. На протяжении всего Средневековья интересы Римской курии в других государствах осуществляли легаты с временными полномочиями. Дальнейшее существование этого института оказалось под вопросом из-за усиливавшихся конфликтов между Папской курией и светскими правителями. Легаты часто злоупотребляли своей властью, вмешиваясь в дела, не касавшиеся их миссии, и занимались непредусмотренными финансовыми поборами. Церковные соборы не раз обсуждали эти проблемы, пытаясь ограничить их полномочия. Подчиняясь требованиям времени, Святой Престол пытался приспособиться к новейшей ситуации и строить отношения с главами суверенных государств на равноправной основе [4].

Если сравнить, как проходило становление внешнеполитических ведомств России и Римской курии, бесспорно, можно прийти к выводу, что дипломатическое ведомство Рима имело вековые традиции и к моменту начала взаимоотношений с Москвой приобрело внушительный опыт, что, безусловно, сказывалось на умении вести межгосударственные переговоры. Так, многочисленные противоречия между европейскими государствами были реальной преградой на пути организации антиосманской лиги. Однако международная политика Римской курии была очень осторожной, понтифики стремились не допустить разжигания новых конфликтов в Европе. Опорой для осуществления своих внешнеполитических задач Курия избрала Ягеллонов, под властью которых находилась немалая часть европейского континента.

Второе десятилетие XVI в. во взаимоотношениях между Москвой и Римом можно назвать «временем взаимной заинтересованности». Однако многократные посольства, направляемые из Рима в Москву, не продвигались далее Великого княжества Литовского. Позиция великого князя литовского и короля польского была неизменна. Когда войска Великого княжества Литовского терпели неудачу, Сигизмунд I Старый апеллировал к папе, но каждая небольшая победа становилась препятствием на пути взаимоотношений Курии и Москвы. В 20-е гг. XVI в. Сигизмунд I Старый находился в сложных обстоятельствах: на востоке – борьба с великим князем московским Василием III, на юге – татарское войско, за которым стояла турецкая армия, в любой момент готовая к маршу [13, s.52]. Подписание перемирия с Василием III, для того чтобы все силы направить на юг – стержень внешней политики Сигизмунда I Старого в 1521–1523 гг. [13, s.76].

В истории взаимоотношений Великого княжества Московского и Римской курии 20-е гг. XVI в., как уже было отмечено выше, можно назвать «временем взаимной заинтересованности». Кроме того, в это десятилетие наибольшее количество дипломатов, путешественников, торговцев курсировали между Москвой и Римом. И, несмотря на то, что в их планах могла и не стоять задача поддержать контакты московского великого князя с папством, тем не менее, благодаря им интерес в Западной Европе к «Московии» не угасал. Появлявшиеся в это же время различные

«записки о Московии», где красочно иллюстрировались состояние веры, церковная иерархия, указывались способы католического миссионерства, не могли оставаться без внимания Апостольского престола, а некоторые же из них непосредственно были составлены по распоряжению из Рима. Как отмечал один из исследователей этого вида источников В.Н. Бочкарев, «заброшенному судьбой в отдаленную Московию иностранцу все в ней казалось странным и необычным. Его поражала своими особенностями и природа страны, и обилие ее естественных богатств, и деспотический характер власти, и бесправное положение населения, но, конечно, больше всего он должен был останавливаться в недоумении перед явлениями бытового характера, перед нравами, обычаями и религиозными верованиями. И в этом не было ничего удивительного, ведь именно с этой стороны Россия XV–XVI вв. всего больше отличалась от Западной Европы» [3, с.3]. Несмотря на некоторую тенденциозность, а очень часто и неосведомленность, иностранцы собрали в своих сочинениях огромный и интересный материал не только культурно-бытового, географического и этнографического характера, но и сведения по внутренней и внешней политике Москвы. Достоверными эти сообщения в полной мере назвать нельзя, так как они писались по чужим рассказам. Отличительная черта этих записок состоит в том, что их авторы очень положительно отзывались о религиозном чувстве и набожности «москвитов». Единственной проблемой было то, что такая «теплая вера», истинно христианское благочестие пропадают без пользы, вне римской церкви, среди ереси и невежественного суеверия.

После завоевания Белграда турками в Апостольской Столице вопрос о антиосманской коалиции стал как никогда актуален. Папа Климент VII благосклонно относился к идее союза с Великим княжеством Московским. Созданием единого централизованного Московского государства, установление им международных связей превратило его в одного из самых притягательных союзников. Религиозные движения в Западной Европе в XVI в., стремительное распространение протестантизма, опасность со стороны Османской империи заставили Римскую курию обратить свое внимание на Восточную Европу.

Таким образом, можно отметить, что в условиях всевозрастающей угрозы нападения турок, когда перманентно разрабатывалась идея антитурецкой коалиции, Римская курия выступала с призывами прекратить военные действия между христианскими государствами Европы [14, s.119–132]. С целью привлечения дополнительных сил к антитурецкой борьбе, планировалось установление мирных отношений Московского княжества с Коронай Польской и Великим княжеством Литовским. В свою очередь, и Москва была заинтересована в сохранении мира на западных рубежах государства и удачно использовала для этого посредничество Курии. Тесная связь переговоров московских князей и римских пап с развитием отношений России с Коронай и Великим княжеством находит свое подтверждение и в том, что, судя по описи царского архива XVI в., все эти материалы находились в одном ящике. Поддерживая разговоры об антиосманской коалиции, Москва никогда не забывала о своих личных целях и, как писал П. Пирлинг «бряцала оружием лишь в угоду Западу».

С конца XV ст. в Восточной Европе стал формироваться особый узел противоречий, который затрагивал интересы нескольких государств: Княжества всея Руси, Великого княжества Литовского, Короны Польской, Ливонского ордена. Римская курия, заинтересованная, в первую очередь, в организации нового крестового похода, направленного против Османской империи, стала активным участником восточноевропейского конфликта. Стремление заручиться поддержкой Апостольского Престола с целью создания наиболее благоприятных условий для реализации внешнеполитической программы, стало одной из платформ политической игры, которая разгорелась между Москвой, Вильно, Краковом и Ригой. В период формирования внешнеполитической концепции Великого княжества Московского великими князьями Иваном III и Василием III взаимоотношения с Римской курией были выделены в особый вектор политики. В это время стало очевидным, что решения важнейших задач государства, связанных с территориальным оформлением

Княжества «всяя Руси», поиском наиболее благоприятных условий торговли в Прибалтике, напрямую зависели от контактов с важнейшим субъектом международных отношений – Апостольским Престолом.

Библиографические ссылки:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. II Отдел. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846. Т. I: 1340–1506. – 419 с.
2. Базилевич К.В. Внешняя политика Русского государства (вторая половина XV в.). 2-е изд. М.: Территория, 2001. – 544 с.
3. Бочкарев В.Н. Московское государство в XV–XVII вв. по сказаниям современников-иностранцев. СПб.: Кн-во типо-лит «Энергия», 1914. – 144 с.
4. Грыса Т. Дипломатия Святого Престола // Католическая энциклопедия. М., 2002. Т. 1. С. 1650–1652.
5. Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. Л.: «Наука», 1975. – 358 с.
6. Пирлинг, П. Россия и папский престол. М.: Современные проблемы, 1912. – 452 с.
7. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей; отв. ред. А.Ф. Бычков. СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. Т. VIII. – 301 с.
8. Скржинская, Е.Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию (К истории итало-русских связей в XV в. веке) // Проблемы истории международных отношений. Сборник статей памяти Е.В. Тарле / АН СССР, Отд-ние истории, Ленингр. отд. Ин-та истории СССР; редкол.: В.И. Рутенбург (отв. ред.) [и др.]. Л.: Наука, 1972. – С. 267–281.
9. Хорошкевич, А.Л. Символы русской государственности. М.: Изд. Моск. университета, 1993. – 96 с.
10. Шимаков, Е.К. Донесения папских нунциев в Польшу XVI в. как источник по внешнеполитической истории России // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. ; рэдкал.: У.К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск, 2008. С. 228–233.
11. Шимаков, Е.К. Политическая игра в ходе заключения брака Ивана III и Софьи Палеолог // Гуманітарна-эканамічны веснік. 2007, № 3 (39). С. 107–114.
12. Шымак, А.К. Усходняя Еўропа і дыпламатыя Рымскай курыі (канец XV – пачатак XVI ст.) // Весці Белар. дзярж. пед. ун-та. Серія 2, Гісторыя. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. 2008, № 2. С. 30–34.
13. Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, actiones, res gestae... Sigismundi...Primi...per Stanislaum Gorski...collecte et in tomos XXVII digestae: w XVIII t. Posnaniae, 1853. Т. VI: 1522–1523. – 361 s.
14. La Lega Santa del 1538 // Marco, J. Europa i Osmanie w okresie Lig Świątych. Polska między Wschodem a Zachodem. Kraków : Polska Akad. Umiejętności, 2003. S. 119–132.

УДК 930.2 (072)+378.4 (476-25).096:94

ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М.Ф.Шумейко

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости, 4, 220030, г.Минск, Беларусь; jesti@inbox.ru*

Анализируется генезис словообразования «источниковедение», представляющего собой кальку немецкого термина «Quellenkunde» и последующее его использование в качестве названия научной и учебной дисциплин. Отмечается роль первого ректора БГУ В. И. Пичеты и его последователей, прежде всего Д.И. Довгялло, в разработке и преподавании курса источниковедения для студентов социально-исторического отделения педфака университета во второй половине 1920-х гг. С созданием истфака БГУ научная разработка проблем источниковедения не получила развития в отличие от московских университета и историко-архивного института, в которых академиком М.Н. Тихомировым читался соответствующий курс, изданный в 1940 г. в виде первого в СССР учебного пособия «Источниковедение